

*Д.В. Возчиков**

**Из Китая в Индокитай:
использование одного географического термина
в итинерарии венецианского купца XV в.**

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются использование венецианским купцом Никколо Конти средневекового географического термина Мацин (Мачин). Путешественник задействовал экзотопоним индийского происхождения, изначально обозначавший Китай, для наименования буддийского мира. Автор рассматривает трансформацию традиционного портрета таинственных «Индий» в эпоху гуманизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история Юго-Восточной Азии, история Мьянмы, история синологии, Венецианская республика, Никколо Конти, гуманизм, средневековые путешествия.

«Скажи мне, как зовётся зверь прекрасный, верный / В своей любви, но в ярости ужасный. / Он потрясает мир, высокомерный, / И торжествует. Мощными стопами / он попирает океан безмерный...» [11, с. 60], — эту загадку про «льва Адрии», венецианского льва Св. Марка, загадывала главная героиня фьябы Карло Гоцци «Турандот» (1762). Таковы были последние литературные сполохи венецианского мифа — идеи исключительности и превосходства Венеции с её «тысячелетней свободой», — во времена, когда «Светлейшей синьории», некогда, в XIV–XV вв. уверенно державшей первенство в торговле и мореплавании, оставалось существовать менее четырёх десятилетий. «Китай» у венецианца Гоцци, разумеется, условный, целиком вообразимый, он сводится к моде на шинуазри в эпоху Просвещения,

* Дмитрий Викторович Возчиков, ассистент кафедры востоковедения, Институт социальных и политических наук Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Россия; catullus89@mail.ru

однако сам комплект образов Востока в сказочной пьесе «Турандот», очевидно, был вдохновлён исторической памятью венецианцев о зрелом и позднем Средневековье, когда венецианские купцы, картографы и лазутчики были наиболее информированными из европейцев о делах на Востоке.

Венецианцы, наряду с выходцами из других итальянских городских республик, внесли определяющий вклад в формирование средневекового дискурса о Востоке — о мусульманском мире, Индии, Юго-Восточной Азии и Китае. Знатный венецианский купец, уроженец Кьоджи Никколо Конти (1395–1469) посетил по торговым делам многие государства Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, начав своё путешествие в 1414 г. в Дамаске и вернувшись в Италию в 1439 г. [29, р. 7–8]. После возвращения в Венецию из долгих странствий по Востоку Конти направился во Флоренцию, где в то время находился папа Евгений IV. Конти рассказал о своих путешествиях папскому секретарю и гуманисту Поджо Браччолини (1380–1459), который позже поместил итинерарий Конти в четвёртую книгу трактата «О превратности судьбы» [24; 30]. Наряду с рассказом Никколо Конти, Поджо включил в текст своего программного труда истории некоего неназванного «индийца» из Центральной Азии, поведавшего о легендарном ханстве несториан «в двадцати днях пути от Китая» [24, р. 148; 30, р. 173], патриарх которого (он же «*magnus Canis*», т.е. Великий хан, и император) якобы и уполномочил вестника явиться в Европу, и эфиопских посланников, также прибывших во Флоренцию во время Ферраро-Флорентийского собора [24, р. 148–152; 30, р. 174–177; см.: 10, с. 238–246]. Какие-либо сочинения самого Конти до нас не дошли. До возвращения в Италию, в 1437 г. на обратном пути в Италию Конти поведал о своих путешествиях кастильскому идальго Перо Тафуру, с которым встретился на горе Синай. Правда, в непринуждённой беседе с доверчивым и впечатлительным путешественником венецианец охотно дал волю воображению, приписав себе пребывание при дворе Тимура (умер в 1405 г.) и баснословного Пресвитера Иоанна [19, с. 96–97]. Не ставя задачи сколько-нибудь полного освещения путешествий Конти по государствам Индии, Мьянмы и Нусантары, в данной небольшой работе автор сосредоточивается на применении венецианским купцом в отчёте флорентийскому гуманисту одного экзотопонима, фигурировавшего в географической традиции мусульманского мира и заимствованного оттуда средневековой Европой. Эта статья является продолжением работы об описании Китая в отчёте Никколо Конти [6].

Истории о Востоке, включённые в текст «О превратности судьбы», по-видимому, достаточно рано разошлись в рукописях. Анонимная

компиляция «Великолепный трактат о расположении царств и островов в Индии» [см.: 5, с. 110–120] содержала целые фрагменты из рассказа Конти, перемешанные со стереотипными сюжетами о Пресвитере Иоанне и народах-монстрах в духе развлекательного чтения о «чудесах Индии», весьма востребованного современниками. Четвёртая книга «О превратности судьбы» впервые вышла отдельным печатным изданием в 1492 г. под знаменательным заглавием «Индия, вновь узнанная» («*India recognita*») в качестве путеводителя для собравшегося поехать в Индию Пьетро Кары, сенатора герцога Савойского [26, р. 239]. Доподлинно неизвестно, осуществил ли свои намерения Кара, однако португальцы, к тому времени уже начавшие масштабные экспедиции в Индию, рано осознали большую практическую ценность свидетельств итальянских купцов, включая Никколо Конти, о Востоке. В 1502 г. в Лиссабоне в одном сборнике сообщений средневековых путешественников с книгой Марко Поло вышел португальский перевод отчёта «Никколо Венецианца», в предисловии к которому впервые появилась растиражированная впоследствии версия, что непосредственно папа Евгений IV велел купцу рассказать Поджо о своих странствиях в качестве искупления [26, р. 239–240]. В XVI–XVII в. текст не раз переводился, причём именно с португальского издания, поскольку «*India recognita*», вышедшая крайне ограниченным тиражом, распространения не получила: на испанский, итальянский — известным венецианским географом Джованни Рамузио, на английский и нидерландский языки [23, р. 104–105]. В XVI–XVII вв., несмотря на востребованность отдельных сегментов «О превратности судьбы» — истории Никколо Конти и описания римских руин в первой книге трактата, — фигура Поджо не пользовалась серьёзным вниманием интеллектуалов, что отчасти было связано со скептическим отношением Эразма Роттердамского и Герарда Фосса к этому итальянскому гуманисту [28, р. 71]. Интерес к наследию Поджо Браччолини возродился только в начале XVIII в. с публикацией его «Истории флорентийской» усилиями венецианца Джованни Реканати, а трактат «О превратности судьбы» впервые был опубликован в 1723 г. в Париже [28, р. 71–72]. Ведущие финские специалисты в области гуманистических штудий И. Кайтано и О. Мерисало рекомендовали подходить к парижскому изданию с крайней осторожностью в силу его, по современным меркам и отчасти даже по меркам XVIII в., некритического характера, а также заметного количества исправлений, внесённых в первоначальный текст рукописи её издателями — Доменико Джорджо и Джованни Оливой [28, р. 78–84]. Первое и последнее на сегодняшний день критическое латинское издание трактата Поджо, при подготовке которого было задействовано пятьдесят пять

рукописей этого сочинения, вышло под редакцией О. Мерисало в Хельсинки в 1993 г. [30]. В данной работе приводятся ссылки одновременно на парижское и хельсинкское латинские издания, латинские цитаты даются по хельсинкскому изданию, передавшему орфографию рукописи Поджо.

Повествование Конти делится на две части. Первая, главным образом, — это собственно маршрутное описание. Вторая часть отводится более детальному описанию хозяйства и обычаев жителей «Индий». Присутствие Поджо в нарративе Конти, как отмечает Х.-П. Рубиес, особенно велико во второй части, где купец отвечал на прямые вопросы папского секретаря [31, р. 97]. Отсюда возникает сложность: данные о разных землях «трёх Индий» — империи Виджаянагар в Южной Индии, бирманском государстве Ава, Китае — оказываются зачастую перемешаны во второй части отчёта. В отчёте выстроена своеобразная культурная иерархия азиатских стран и народов — от андаманцев-антропофагов [24, р. 130; 30, р. 156] до государств «Третьей Индии» с богатой городской культурой и церемонными нравами, включая китайцев, чья страна «превосходит все прочие» [24, р. 134; 30, р. 161]. И Конти, и Браччолини принимали как должное шарообразность земли — общепризнанную истину для интеллектуалов средневекового Запада уже в XII–XIV вв. [17, с. 149]. Купец сообщал: «Индийцы плавают на кораблях, в основном ориентируясь по звёздам другого полюса, так как они редко видят Большую Медведицу» [24, р. 143; 30, р. 169].

Каких-либо конкретных хронологических рамок пребывания венецианца в богатой «Третьей Индии», Юго-Восточной Азии — Аракане, Аве, Пегу, Чампе, — Поджо не приводил. Как отмечает К. Бризил, можно с уверенностью утверждать лишь то, что Конти посещал Суматру, Тенассерим и местность нижнего и среднего течения Иравати (Давы у Конти) во второй половине 1420-х гг. и, вероятно, в начале 1430-х [23, р. 102]. На территорию современной Мьянмы Конти попал морем, выйдя из порта, названного им Буфкетания (очевидно, территория Бенгальского султаната), и достигнув реки Рахан (Rachanus, Рокхайн, Аракан), а через месяц — одноимённого города [24, р. 132; 30, р. 158]. Из Аракана, который в 1430 г. окончательно провозгласил свою независимость от Авы — главного политического центра Мьянмы [2, с. 123], венецианский купец отправился в саму Аву. Описания городов и областей в отчёте составлялись Конти по определённому трафарету: стандартный набор данных о городе или острове включал его название, размеры (окружность) и товары, которые предлагали местные жители. Описание Авы, названной путешественником «благогороднейшей» [24, р. 132; 30, р. 158], свелось к рассказу о продаю-

щихся в этом городе генитальных бубенцах (*sonalia*), золотых, серебряных и медных, и о подробностях операции их помещения в половой орган — якобы непременно условии для вступления бирманского мужчины в брак. «Женщины, — передавал Браччолини рассказ путешественника, — часто предлагали такую услугу Никколо, смеясь над ним из-за малых размеров его Приапа, но он не пожелал ценой своей боли доставлять наслаждение другим» [24, р. 132; 30, р. 158–159]. После этого описания, в котором Поджо, очевидно, просто опустил сведения рассказчика о других товарах Авы, в отчёте шёл пассаж о едином государе области Мачин.

Ea prouincia (Macinum incole dicunt) referta est elephantis. Quippe ejus rex decem milia nutrit, quibus utitur ad bellum. Propugnacula supra dorsum alligantur; desuper octo aut decem uiri iaculis pugnant atque arcubus, et his quas appellamus balistas.

Эта провинция [Индии], именуемая жителями Мачин, изобилует слонами, ведь её царь содержит десять тысяч слонов, которых использует на войне. На спинах у слонов закрепляются башенки, откуда восемь или десять мужей ведут бой дротиками, луками и тем, что мы называем баллистами [24, р. 132; 30, р. 159].

Рассказ продолжается пространным описанием поимки слонов для царской элфантерии. Термин Мачин, или Мачин в латинизированном варианте, — средневековый экзотопоним индийского происхождения. Считается, что слово Чина, употреблявшееся в Индии для обозначения Китая, происходит от наименования первой китайской империи Цинь, причём китайская историописательская традиция, вероятно, стала использовать индийское наименование Китая Махачина уже применительно к Римской империи, получив название-кальку Дацинь (см.: [4, т. 9, с. 250]). В ряде южноиндийских тантрических текстов Махачина («Великая Чина», «Великий Китай») была названа источником тайной йогической премудрости [20, с. 217]. По мнению Е.В. Торчинова, именно эти представления, отражавшие эпизодические заимствования в индийской алхимии из китайской даосской традиции, повлияли на арабских авторов, считавших Китай родиной чародейства [20, с. 217]. Географическое понятие Мачин (Масин) получило широкое распространение в трудах средневековых мусульманских авторов применительно к Китаю в качестве второй части парного персидского наименования Чин и Мачин (Син и Масин) для Северного и Южного Китая соответственно [3, т. 5, с. 87]. Сами мусульманские авторы указывали на заимствование этого названия от индийцев. Видный сановник-реформатор государства Хулагуидов и автор «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей», 1311) Рашид ад-Дин утверждал: «Так как наша область близко расположена к Хинду и

купцы её чаще посещают, [то] в тех владениях эти области также называют по названию, принятому <...> у населения Хинда, Чин-у Мачин, однако первоначальное слово [было] Маха-Чин» [18, т. 1, кн. 2, с. 164]. Через посредничество обширной географической традиции мусульманского мира индийский экзотопоним Махачина проник в европейские труды о Востоке. В ряде европейских травелогов, в частности, сочинениях венецианца Иосафата Барбаро и тверича Афанасия Никитина, термины Чин и Мачин, как и в работах мусульманских географов, относились к Китаю [7, с. 682, прим. 191]. Однако в сообщении Никколо Конти Китай, и северный, и южный, именовался Кайтай [24, р. 134; 28, р. 161], причём побывать в Китае путешественнику так и не пришлось. Конти, хорошо владевший арабским и персидским языками, побывавший членом персидской купеческой корпорации, а в конце путешествия вынужденно принявший ислам [24, р. 126–128; 30, р. 153–154], неплохо знал географическую традицию исламского мира. Однако при определенной зависимости от неё автора отчёта, в этом тексте описание страны Мачин совершенно не соотносится с империей Мин. В книге Марко Поло, которая Никколо Конти определённо была известна, топонимы, обозначающие Южный Китай, бывшую территорию южносунской империи, и Мьянму — соответственно Манги (Манзи) [13, с. 144–146] и Мян (Минин) — не контактировали друг с другом. Описание элфантирии Наратхипати (1254–1287), царя первой общепирманской державы Паган, в период её войны с Юаньской империей в 1277 г., от которой Пагану было не суждено оправиться [2; с. 5], составлено Марко Поло по тому же плану, по которому Конти говорил о слонах страны Мачин. Марко Поло рассказывал: «Стал этот царь [Мяна] делать вот какие приготовления: было у него <...> две тысячи больших слонов; и на каждого слона приказал он приладить деревянный теремец, крепкий, красивый и приспособленный к бою; в каждом теремце было до двенадцати воинов...» [13, с. 133].

Путаница с описанием Мачина у Конти, по-видимому, связана, во-первых, с тем, что в его итинерарии, основной единицей описания был город, а не «провинция», территориальное государство, а, во-вторых, со слабым интересом венецианца XV в. к событийной истории и военным сюжетам. По словам отечественного медиевиста Н.С. Горелова, в XIV в. жанр повествования о Востоке окончательно принял форму итинерария, путевого дневника [9, с. 216]. Задачи нарратива Конти в диалоге с Поджо сводились к описанию увиденных им реалий без погружения в прошлое. Конти отмечал, что войска увиденных им стран превышали миллион человек, объясняя огромную численность населения «Индии» отсутствием чумы и других

заболеваний, истреблявших Европу в XIV–XV вв., и сообщил Поджо, что несколько раз наблюдал сражения, однако купец всегда уходил невредимым, поскольку обе сражавшиеся стороны распознавали в нём иноземца [24, р. 147; 30, р. 173]. Конкретной локализации битвы или имён участников, как и вообще имён азиатских монархов, в тексте отчёта Конти не зафиксировано. В историографии Мачин Конти нередко идентифицируется с Мьянмой [31, р. 91; 2, с. 123]. Подобный взгляд оправдан тем, что указание на название «провинции», управляемой государем, якобы располагавшим элекфантерией в десять тысяч слонов, в отчёте идёт непосредственно после описания Авы с её эротическими сокровищами. Авторы лондонского издания источников по Индии в XV в. полагали, что Мачин, указанный Конти, — это, скорее всего, Сиам [32, р. 11]. На карте мира венецианского монаха Фра Мауро от 1459 г., ныне хранящейся в венецианской Библиотека Марчиана, к области Мачин отнесены современные Таиланд, Камбоджа, Бангладеш и даже Северо-Восточная Индия [7, с. 682, прим. 191]. Эта карта составлена во многом по данным, предоставленным Никколо Конти [29, р. 36]. Стало быть, страна Мачин — скорее общее название государств континентальной Юго-Восточной Азии, включая Аву, Пегу, Чампу и сиамскую державу Аютию, находившуюся во время путешествий венецианца по Азии на подъёме могущества.

Главным бестиарным символом региона Мачин в рассказе венецианца был слон. В районе Тенассерима, куда Конти прибыл с Суматры, этих животных водилось особенно много [24, р. 131; 30, р. 157]. Конти сообщал, что ручные слоны «питаются рисом и маслом, а лесные — ветвями деревьев и травами» [24, р. 133; 30, р. 159]. В этом пассаже на примере пищевых образов видна главная оппозиция всего нарратива: противопоставление рафинированной городской культуры Китая и Авы варварству периферийных племён. Прирученный слон, как полагал венецианец, транслируя укоренённое ещё в античности представление о слонах, — необычайно умное и преданное существо, способное на самопожертвование в бою [24, р. 133; 30, р. 159]. Описание венецианским купцом долгой процедуры приручения слона, начинавшейся с заманивания дикого слона в загон посредством уже приручённой слонихи и усмирения его голодом и завершавшейся проходом по городу между двумя уже ручными слонами [24, р. 133; 30, р. 159], напоминало своего рода инициацию — преодоление дикости и утверждение в культуре. Это, несомненно, импонировало гуманисту и почитателю античной словесности Поджо, стремившемуся проверить и дополнить новыми данными информацию о странах, которые виделись греческим и римским авторам изобилую-

шим чудесами краем ойкумены. Браччолини указал, что способ поминки мацинских слонов для войска совпадает с практикой, описанной ещё Плинием Старшим в «Естественной истории» [24, р. 132; 30, р. 159]. Носорог также фигурирует в отчёте в числе животных Мацина [24, р. 134; 30, р. 160].

Упоминание Конти числа «десять тысяч слонов» не следует понимать буквально или как простое преувеличение. «Десять тысяч слонов» — древний bestiарный код могущества в индо-буддийском мире. Уже в «Махабхарате» герой Бхима предстал «сильным, как десять тысяч слонов» [16, III. 175. 11–21]. Имена-тителы монархов, вельмож и самих государств, оперировавшие большими числами, которые обозначали количество населения, рисовых полей, городов, солдат или слонов, были распространены в средневековой Юго-Восточной Азии, в частности, в различных тайских государствах [1, с. 13]. Лаосское государство Лансанг официально именовалось «Королевством миллиона слонов и белого зонтика» [27, р. 96]. Именно на слоне-альбиносе, по свидетельству Конти, ездил повелитель Мацина, под которым мог подразумеваться государь Авы, монского государства Пегу или Аютии.

Rex albo elephanto uehitur, cui cathena aurea distincta gemmis circumdata ad pedes usque pendet. Homines sunt unica uxore contenti. Viri mulieresque stilo ferreo punctim corpora uariis coloribus figurisque, ita ut he continuo extent, pinguntur. Colunt idola omnes. Surgentes autem e lecto ad orientem uersi orant iunctis manibus: «deus trinus et lex ejus eadem nos tuere».

Царь разъезжает на белом слоне, на шее у которого — золотая цепь, украшенная камнями. Она свисает до ног (зверя. — *Д.В.*). Люди берут одну жену. Муж и женщины железной иглой накалывают на тело разные цветные рисунки так, что они остаются навсегда. Все они чтут идолов, но, встав с ложа и обратившись к востоку, молятся со сложенными руками: «Бог тройственный и закон Его, храни нас!» [24, р. 133; 30, р. 159].

Кастильцу Перо Тафуру Конти поведал о поклонении белому слону как божеству «в земле язычников» [19, с. 106–107]. Почитание белых слонов было широко распространено в индо-буддийском мире. В Мьянме и Аютии белый слон считался важным атрибутом идеального буддийского государя-миродержца — чаккаватти (чакравартина), и государи, претендующие на такой статус, нередко развязывали войны за обладание этими живыми сокровищами [25, vol. 1, р. 412–413]. Стандартным поводом для большинства сиамско-бирманских войн были требования уступить слона-альбиноса «великому королю» [1, с. 31].

Итак, Никколо Конти превратил стандартную часть монаршего титула в инструмент географического описания. Эта деталь из его описания восточных земель весьма удивила папу-гуманиста Пия II (в миру — Энея Сильвия Пикколомини, папа в 1458–1464). Пикколомини в «Описании Азии» не верил, что река Дава длиннее Ганга и что не знающий христианской веры царь мог располагать десятками тысячами огромных зверей [31, р. 91], хотя причина указания венецианским путешественником такого, казалось бы, фантастического числа крылась в политическом лексиконе буддийских стран Индокитая.

Другой венецианский купец, ювелир Гаспаро Бальби путешествовавший по Юго-Восточной Азии в 1580-е гг., описывая военные кампании бирманской династии Таунгу, правившей в Пегу, привёл эпизод, наглядно показывающий отношение бирманцев и монов к монаршему слону. Захваченный государем Пегу царский слон из Авы скорбел в плену, плача и держа хобот опущенным, отказывался от пищи пятнадцать дней, так что придворным пришлось умолять его смириться с переходом на службу к более славному правителю, чем прежний хозяин [22, р. 114]. Слоновый культ был, по всей видимости, заимствован у мон-кхмерских народов тайцами, а в придворной поэзии Аюттии сложился особый жанр — «песнь успокоения слонов» [1, с. 227–228].

Конти сообщил об использовании генитальных бубенцов в Аве, однако эти приспособления были ходовым товаром и получили широкое распространение по всей Юго-Восточной и отчасти Восточной Азии. В Китае минского времени они были известны под названием *мянлин* 緇鈴 («бирманские бубенцы»). Генитальные бубенцы в Китае использовались и женщинами, и мужчинами. Минский автор Тань Цань сообщал о фантастическом способе добычи «начинки» для бубенца — семени баснословной птицы Пэн, которое бирманцы якобы собирали, перехитрив сладострастную птицу посредством чучела в виде женщины. «Эту сперму, — продолжал Тань Цань, — собирают и помещают в двойную золотую пилюлю размером с горошину. Если мужчина введёт эту пилюлю себе в член и потом совокупится с женщиной, то обнаружит, что его потенция сильно возросла» (цит. по: [12, с. 250]). Востребованность подобных звучащих эротических предметов была связана с двойственной природой музыки в китайской традиции: музыка обладала не только ритуальным, гармонизирующим характером, но и чувственно-стихийным (см.: [14, с. 29]). Никколо Конти, у которого особенности сексуальной культуры жителей Авы вызывали брезгливость, сводил функции таких болезненных, на его взгляд, приспособлений к удовлетворению женского сладострастия, а бирманских мужчин, пользовавшихся ими, скорее считал жертвами

их не в меру сластолюбивых жён. Упомянув татуировку, как и в случае с телесными манипуляциями в Аве, Конти указал на деформации человеческого тела — самое выразительное отличие Индокитая от Европы в отчёте купца. Татуировка действительно широко практиковалась в Юго-Восточной Азии, в частности, в Аютии [25, vol. 1, p. 428, 583]. Марко Поло был осведомлён об этом обычае в области Северного Лаоса: «Здесь народ, и мужчины, и женщины, разрисовывают тела <...>: рисуют иглою по телу львов, драконов, птиц и всякие другие образы, и нарисованное не сходит» [13, с. 137]. Сопоставление его описания с рассказом Конти выдаёт известную зависимость итинерария венецианца XV в. в манере описания регионов, географически близких к Китаю, от каталога стран и городов венецианца XIII в.

Повсеместную моногамию Конти скорее приписывал жителям Индокитая, входившего в «Третью Индию», поставленным им на вершину культурной иерархии Азии, возможно, чтобы подчеркнуть определённую близость их нравов европейским и контраст с иными областями Индии, а также с Ближним Востоком, несмотря на различное отношение к телесным деформациям в Европе и в Юго-Восточной Азии. Из других обычаев Мацина купец отметил употребление в пищу как деликатеса огромных змей (питонов) и красных муравьёв с перцем [24, p. 133–134; 30, p. 160].

Несмотря на отнесение жителей Мацина к идолопоклонникам, Конти всё же упомянул их поклонение «тройственному Богу», что само по себе — антитеза, ведь в указанной молитвенной формуле европейскому читателю легко было узнать знакомые черты догмата о Троице. Преобразование в тексте итинерария буддийских идей, по всей видимости, трёх сокровищ буддизма (триратна), в подобие Троицы свидетельствовало о стремлении венецианского путешественника и папского секретаря отыскать в верованиях иноземцев с рафинированной культурой элементы, хотя бы отдалённо напоминающие христианские.

Дополнительную информацию о регионе Мацин можно извлечь из описания мохнатых быков, тоже помещённых Конти в эту область. Подробный портрет этих зверей следует за рассказом об обычаях страны Мацин и описанием носорога. В верхней части Мацина, ближе к границам Китая, согласно его отчёту, водились белые и чёрные быки, из которых более всего ценились длинношёрстные животные с хвостом, свисающим до копыт и напоминающим лошадиный, но более пушистым. «Тончайшая и лёгкая, как перья, шерсть их хвоста ценится на вес серебра, — сообщал венецианский путешественник, — из неё делают опахала для церемоний в честь богов и царей» [24, p. 134; 30, p. 160]. Далее Конти отметил, что знатные воины ценили шерсть

быков как украшение для боевых коней, обрамляли ею наконечники копий в знак своего благородного происхождения [24, р. 134; 30, р. 160]. Речь здесь, скорее всего, о яках. Наблюдательный купец весьма точно охарактеризовал назначение изделий из хвостов яков в церемониале индо-буддийского мира. Яки — достаточно холодолюбивые животные, обитающие в Гималаях и ряде горных районов Центральной Азии. Но Конти локализовал их в Мацине, что наводит на мысль, что путешественник, возможно, наряду с авторами задействованных им восточных путеводителей, мог спутать места происхождения яков и страны, в которых их шерсть была особенно востребована. Тибет не раз упоминался мусульманскими географами. В частности, автор второй половины X в. Ибн Хаукаль рассматривал Тибет как пограничную область, одна часть которой входила в «государство ас-Син», а другая — в «государство Хинд» [15, т. 4, с. 201]. У Конти этот край не получил отдельного названия. Впрочем, купец всё же указал место, где обитали массивные представители бовидов, которое можно идентифицировать с Тибетом, что усугубляет расплывчатость топонима Мацин в отчёте. Можно предположить, стало быть, что Мацин Конти — обозначение всего буддийского мира, включая Тибет.

В целом, можно говорить о значительной степени смешения материалов, относившихся к разным странам в «картотеке» купца, переданной флорентийским гуманистом, особенно — во второй части нарратива об Индиях. В этом отношении особенно показателен купеческий анекдот, сообщённый Конти от имени «индийцев», и который Конти, следовательно, мог приписывать и собственно индийцам, и бирманцам, и китайцам.

Ni nos Francos appellant, aiuntque cum ceteras gentes cecas uocent, se duobus oculis, nos unico esse, superiores existimantes se esse prudentia.

Они зовут нас франками, а ещё утверждают, что остальные народы якобы слепы, они сами — с двумя глазами, а мы одноглазы, и считают себя превосходящими других в рассудительности [24, р. 146; 30, р. 172].

В тексте, включённом в трактат Поджо, «они» — это, очевидно, собственно индийцы, *Indi interiores* («внутренние индийцы», от Инда до Ганга), поскольку в предыдущем предложении отчёта речь шла о них, а именно — об их вооружении, в частности, о бомбардах. Однако сама история о разном количестве глаз у разных народов восходит к старинному общему месту, приписываемому китайцам. Поджо Браччолини, проведя своеобразное анкетирование собеседника, явно помещал в один тематический раздел детали рассказа Конти, относящиеся к разным странам Востока.

Схема «трёх глаз мира» часто встречалась в мусульманской традиции, откуда, по всей вероятности, венецианец Никколо Конти и

почерпнул эту поговорку. Как отмечал В.В. Бартольд, уже «автор XI в. Са'алиби говорит, что китайцы в деле промышленности называли зрячими только себя, всех других народов — слепыми, за исключением жителей Вавилонии, которых называли одноглазыми. Тот же анекдот повторяется и впоследствии много раз, причём вместо жителей Вавилонии называли сначала греков, потом франков (европейцев)»¹ [4, т. 9, с. 257]. Из авторов XIV в., имевших большой авторитет в Европе, эту же схему приводил в своём космографическом труде «Цветник историй земель Востока» (1307) армянский принц Хетум (Гайтон): «На самом деле эти люди («китаи», китайцы. — *Д.В.*), не смотря на свою простоту в вопросах веры и духовных сферах, в вещах земных намного умнее и сообразительнее всех прочих народов. Можно сказать, что китаи как бы смотрят на мир двумя глазами, латиняне — одним глазом, а все прочие народы просто слепы» [8, с. 218]. Видный венецианский дипломат Иосафат Барбаро (1413–1494), по меньшей мере, дважды встречался с фразой о трёх глазах на весь мир, причём один раз этот анекдот дипломату поведал сам правитель Ак-Коюнлу Узун-Хасан (1453–1478): «Пранкатаини, катаини, три глаза имеет мир, два их имеют катаини, а франки — один» [7, с. 627–628]. Этот топос оказался весьма жизнеспособным, им оперировали, выдавая за подлинное суждение китайцев о внешнем мире, ещё в первой четверти XVIII в. В частности, в дневнике Лоренца Ланга, шведа на русской службе, неоднократно посещавшего Пекин в составе дипломатических миссий, встречались такие суждения: «Китайцы сами о себе говорят, что только они в торговле с глазами. У голландцев, по их мнению, в этом деле один глаз, а остальные народы слепы» (цит. по: [21, с. 230]).

Итак, в тексте отчёта Конти термин Мацин фигурировал как топонимический гибрид, получивший название, традиционно приписывавшееся Южному Китаю, но обозначающий в данном тексте целую группу азиатских стран к востоку от «Центральной Индии», т.е. собственно Индии, и к югу от Китая — Китая. Итинерарий Конти, в целом, находился в рамках жанра, не предполагавшего сколько-нибудь пристальное внимание к прошлому увиденных путешественником стран, что создаёт известные сложности для идентификации тех или иных деталей его повествования. Вместо событийной канвы два автора итинерария, купец Никколо Конти и гуманист Поджо Браччолини, предлагали учёному современнику-читателю щедрые, и в большинстве своём реалистичные свидетельства разнообразия обитаемого мира.

¹ Автор благодарит за консультацию аспиранта УрФУ Д.Е. Желобова.

Литература

1. *Афанасьева Е.Н.* Буддизм тхеравады и развитие тайской литературы XIII–XVII вв. М., 2003.
2. *Берзин Э.О.* Юго-Восточная Азия в XIII–XVI вв. М., 1982.
3. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968.
4. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IX: Работы по истории востоковедения. М., 1977.
5. Великолепный трактат о расположении царств и островов в Индии, равно как об удивительных вещах и разнообразии народов // Послания из вымышленного царства / Пер. с др.-греч., ст.-фр.; пер. с лат., сост., вступ. ст.: *Н.С. Горелова.* СПб., 2004. С. 110–120.
6. *Возчиков Д.В.* Ultra Macinum provincia est omnibus praestantior: Китай в отчёте венецианского путешественника Никколо Конти // Общество и государство в Китае. Т. XLIV. Ч. 1. М., 2014. С. 96–103.
7. *Волков И.В.* Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарии) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред.: *С.Г. Бочаров.* Кишинёв, 2015. С. 605–691.
8. *Гайтон.* Цветник историй земель Востока // Книга странствий / Пер. с лат. и ст.-фр., сост., статьи и комм. *Н. Горелова.* СПб., 2006. С. 217–274.
9. *Горелов Н.С.* Предисловие к «Цветнику историй земель Востока» Гайтона // Книга странствий / Пер. с лат. и ст.-фр., сост., статьи и комм.: *Н. Горелова.* СПб., 2006. С. 213–216.
10. *Горелов Н.С.* Эфиопия в книге Поджо Браччолини и его современников // Вестник СПбГУ. Серия 2, История. Вып. 4. 2006. С. 237–246.
11. *Гоцци К.* Турандот: Китайская трагикомическая сказка для театра в пяти действиях / Пер. с ит. *М. Лозинского.* СПб., 2008.
12. *Гулик Р. ван.* Сексуальная жизнь в Древнем Китае. СПб., 2006.
13. Книга Марко Поло / Предисл. *В.В. Бартольда.* М., 2012.
14. *Кобзев А.И.* Парадоксы китайского эроса // Китайский эрос. Научно-художественный сборник / Сост. и отв. ред.: *А.И. Кобзев.* М., 1993. С. 12–31.
15. *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. IV. Арабская географическая литература. М., 1957.
16. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / Пер. с санскрита, предисловие и комментарий *Я.В. Василькова* и *С.Л. Невелевой.* М., 1987.
17. *Мельникова Е.А.* Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998.
18. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с персидского *О.И. Смирновой,* ред. проф. *А.А. Семёнова.* М.–Л., 1952. Т. I. Кн. 2.
19. *Тафур Перо.* Странствия и путешествия // Пер., пред. и комм. *Л.К. Мациела Санчеса.* М., 2006.
20. *Торчинов Е.В.* Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб., 1999.

21. *Шафрановская Т.К., Шаркова И.С.* Неизвестный источник начала XIX в. о Китае // Этнография, история, культура стран Южных морей. Макаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 227–232.
22. *Balbi Gasparo.* Viaggio dell'Indie Orientali, di Gasparo Balbi, Gioielliero Venetiano. Venezia, 1590.
23. *Breazeale K.* Editorial Introduction to Niccolò de' Conti's Account // SOAS Bulletin of Burma Research. Vol. 2. № 2. 2004. P. 104–109.
24. *Bracciolini Poggio.* Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723.
25. The Cambridge History of Southeast Asia Vol. 1: From Early Times to c. 1800 / Ed. by *N. Tarling.* Cambridge, 1992.
26. *Chaudhuri S.* India Recognita: The Travels of Nicolò de' Conti // Oriente e Occidente nel Rinascimento / ed. *Luisa Secchi Tarugi.* Milan, 2009. P. 236–278.
27. *Fox-Stuart M.* Historical Dictionary of Laos. Lanham, 2008.
28. *Kajitani I., Merisalo O.* The 1723 Edition of Poggio Bracciolini's «De Varietate Fortunae» // Humanistica Lovaniensia. Vol. 36 (1987). P. 71–84.
29. Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti (1414–1439) / Ed. par *A.-L. Amilhat-Szary.* Pref. de Genevieve Bouchon. P., 2004.
30. *Poggio Bracciolini.* De Varietate Fortunae / Ed. critica con introduzione e commento a cura di Outi Merisalo. Helsinki, 1993.
31. *Rubiés J.-P.* Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625. Cambridge, 2002.
32. The Travels of Nicolò Conti in the East in the early part of the Fifteenth Century // India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / Ed. by *R.H. Major.* L., 1857. P. 1–39.

*D.V. Vozchikov**

**From China to Indo-China: the use of one geographic term
in the itinerary of a XV century Venetian merchant**

ABSTRACT: The article deals with the unusual meaning of the Medieval geographical term Macinum (Macini) used by the Venetian merchant Niccolò de' Conti in his itinerary. The traveler applied the exonym for China (originally a derivative from the Indian term Mahachina) to describe the whole Buddhist world. The author highlights the transformation of the traditional portrait of the mysterious “Indias” in the age of humanism.

KEYWORDS: History of the Southeast Asia, history of Myanmar, history of sinology, the Republic of Venice, Niccolò de' Conti, humanism, medieval voyages.

* Dmitry V. Vozchikov, assistant of the Chair of Oriental Studies of the Institute of Social and Political Studies of the Ural Federal University (UrFU), Yekaterinburg, Russia. E-mail: catullus89@mail.ru